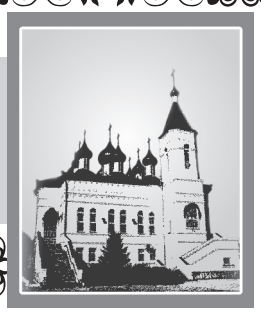
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь №23 (363) 4 июня 2016 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 13-я. Святость.

Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня мы поговорим об одной из заповедей Господних. Вот если спросить у какого-нибудь человека: «Знаешь ли ты заповеди?» Он ответит: «Знаю. Не укради; не убей; чти отца и матерь…» Еще что-нибудь назовет из Десятословия, что было начертано на каменных скрижалях. Но заповедей очень много. Например, Господь говорит на Тайной вечере: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов». Это заповедь. «Пийте от Нея вси…» Это заповедь. Любое слово Христово, сказанное в повелительном наклонении, является заповедью для всех тех, кто верит в Господа. Заповедь есть еще такая: «Святы будьте, ибо Я свят…» Это пишется в книге Пятикнижия Моисеева, и говорится о том, что повелевает Господь Бог быть нам святыми.

Но вы скажете: что же, значит, я должен быть святым? И я, и ты, и он, и она, и все мы? Да, друзья мои, все мы должны быть святыми. «Святы будьте, ибо Я свят, Господь Бог ваш». Так написано. Апостол Петр повторяет эти слова в своем 1-м соборном послании. Апостол Павел говорит, обращаясь к христианам: «Братья святые и возлюбленные». Некогда вы были чужие Богу, а сегодня вы Богу близкие, присные Богу, родные.

Святость есть подарок Бога человеку. Бог свят по существу, а человек свят по причастию к Богу. Нет никого из святых людей, которые были бы святы личной святостью. Все они освятились, и очистились, и оправдались, и омылись, благодаря близости ко Господу и союзу с Ним. И по причастию получили благодать. Поэтому никто из них не гордится благодатью через веру – «Сие не от вас, да никто же похвалится». Все святые прекрасно понимали, что не они являются источником святыни, они причастны к святыне и от святыни освятились. Сами по себе они просто люди, просто плоть и просто кровь, просто прах и просто пепел. Пища червям человек без Бога. А с Богом – это сын Божий и наследник вечных благ. Святые это прекрасно понимали и чувствовали, поэтому не гордились, не хвалились, не поднимали нос, не расправляли плечи, не надували щеки. Они прекрасно понимали, что они без Бога никто и ничто. Вот и мы с вами должны прекрасно понимать, что мы без Бога никто и ничто, но должны стремиться к святости, как бы странно это ни звучало.

Когда на службе нам преломляются Дары, священник говорит: «Святая святым», – то есть Святые Дары святым людям. А кому это? Нам. А мы что, святые? Да. Церковь смотрит на нас как на святых – как на возможных, потенциальных святых. Г. Честертон писал в одном из своих эссе: демократия верит, что каждый человек должен быть хорошим и честным гражданином, сознательным и просвещенным; а Церковь верит, что каждый человек должен быть святым. Церковь зовет нас к святости. Причем мы знаем святых, которые были святы от младенчества до самой старости. Например, Иоанн Предтеча – сын святых родителей, святой с детства, святой до смерти. Мы знаем святых, которые были грешными в детстве и юности, зрелом возрасте, а освятились, например, во второй половине своей жизни – как Мария Египетская. Полжизни беззаконий и полжизни тяжелейших подвигов. Мы знаем святых, которые освятились в последние часы своей жизни – разбойник благоразумный в последние часы жизни сподобился рая. То есть последние три часа жизни человека искупили его душу для вечной жизни, открыли ему ворота рая. Разбойничье покаяние рай открыло! Так что мы знаем разных святых.

Мы знаем святых, которые были настолько святы, что, по сути, родили своей жизнью целую плеяду учеников и сформировали целые христианские цивилизации. Русь, например, стоит на преподобном Сергии Радонежском. И святой Сергий настолько велик, настолько глубок, настолько таинственнен, настолько широк и тонок – в нем всё, – что Русь до сих пор питается его святостью. Сербия хвалится святым Саввой и называет свою Церковь святосавской, потому что Савва был настолько велик, грандиозен в святости, что до сегодняшнего дня много-много столетий сербская Церковь питается святостью одного человека.

Миллионы живут ради одного святого человека. Вообще есть такой закон: Богу не нужно много людей, чтобы освятить всех. Нужен один. Он ищет Авраама, и от него размножает народ. Он ищет Давида, и через него дает целое богооткровенное учение, заключающееся в Псалтири. Он ищет, допустим, князя Владимира и через него приводит к купели крещения множество славянских племен. То есть Богу нужен один святой человек, который направляет русло жизни потом в правильную сторону.

Святые – это люди, которым потом мы должны. И мы должники святых. С одной стороны, мы должны знать как можно больше святых. Как, отправляясь в далекую дорогу, например, мы ищем телефоны и адреса людей, которые живут в той далекой стране, в которой мы никогда не были, чтобы, приехав туда, не оказаться никому не нужными. Мы ищем телефоны и адреса, повторяю, чтобы, когда приедем куда-нибудь, в Австралию или в Южную Африку, мы бы нашли там для себя кров, одежду, помощь. Точно так же, отправляясь в будущий мир, в пакибытие, в Божие Царство, мы должны как можно больше знать людей, которые уже там, в этом мире живут. Например, святая равноапостольная Нина. Или всеми любимый, всем известный чудотворец Николай. Или апостолы Петр и Павел – верховные ученики Врача душ и телес Господа Иисуса Христа. Или, скажем, блаженная Ксения – удивительная в помощи страдалица земная. Или Василий Блаженный, в Москве живший. Это всё жители небесного Иерусалима. Это люди, которые уже живут там, куда нам только предстоит войти. Мы зовем их на помощь, мы общаемся с ними для того, чтобы заручиться их молитвой перед лицом Христа Царя, Которого они лицезрят и сладко созерцают.

Говоря о святости, мы говорим и о том, что смысл этого слова – «отделенный». Святой – это значит «отдельный». Например, есть много-много рядовых дней, и есть святой день, отделенный от остальных, день праздника, допустим, суббота или воскресенье. Есть много разных мест, совершенно обыденных и простых, но есть святое место, куда нельзя войти, например, не снявши сапог, в будничной одежде и с громким хохотом. Это храм Божий. Сапоги сними, лицо умой, перекрестись, страха Божиего наберись и тихонечко заходи, потому что место это святое. Есть святые одежды, есть святые времена, есть святые даты, есть святые люди. То есть святое – это нечто другое. Святой – это другой, отделенный.

И Господь хочет, чтобы мы отделились от закона греховного. «Изыдите от среды их и отлучитеся… и нечистоте не прикасайтеся, и Аз прииму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь вседержитель» (2 Кор. 6, 17-18). Освятиться – это значит не жить по законам мира сего. Святые люди – это люди, которые превозмогли законы мира сего. Законы мира сего – это рознь, эгоизм, самоволие, желание славы себе и наплевать на ближнего. А законы Божии, которые превозмогают законы мира сего, – это слава Богу, ближнему честь, в сердце страх Божий и как можно меньше самоволия, самоугодия, самохвальства. Святые люди – это люди, которые победили и превозмогли Духом Божиим законы мира сего, они жили здесь, но не по-здешнему, жили в этом мире, но не так, как живут дети человеческие, а так, как живут сыны Божии.

Каждому человеку подобает начать знакомство со святыми с того святого, имя которого он носит. Вот, допустим, я – Андрей, мне Сам Бог велел знать все жития святых Андреев. Первый из которых – Андрей Первозванный. Где жил, чем прославился, когда пострадал, в чем особенности его жизни. А, кроме этого, еще недурно было бы узнать про других Андреев, например Андрея Критского, Андрея Боголюбского мученика, Андрея Рублева и других святых, носивших это имя. Если вы – Сергей или, допустим, Николай, Петр, Марк, Наталья, то Сам Бог приказал вам познакомиться с житием того святого, имя которого вы носите. В этой точке может начаться ваше духовное возрастание. И день памяти этого святого – это день вашего ангела, в этот день вы должны быть в храме Божием, причащаться, исповедоваться. Житие этого святого вы должны прочитать хорошо несколько раз, знать назубок, а кроме этого, можно ежедневно призывать святого в молитвах: «Моли Бога о мне, святый *имярек*». Допустим, звать человека Василий – он молится святителю Василию Великому: «Моли Бога о мне, святителю отче Василие, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей». Звать Лариса или Тамара: «Моли Бога о мне, благоверная царица Тамара», «Моли Бога о мне, святая мученица Лариса». С этого начинается встреча с небесным миром. Это та точка, где душа человеческая встречается с теми, кто уже на небе живет.

И, конечно, нужно пропитаться Евангелием, чтобы иметь небесную логику в сердце своем. Не логику мира сего – разрушительную, хищническую, человеконенавистническую, жадную, ненасытную, а логику иную, логику евангельскую, логику служения, жертвования, терпения и молитвы. И каждый из нас не просто может быть святым – он должен быть святым. Как ты будешь святым – это уж Господь подскажет. Либо ты потратишь имение на нищих, либо ты кровь прольешь за имя Господне, либо ты бросишься на защиту ближнего и погибнешь там, где мог погибнуть другой, либо ты костями ляжешь, распространяя духовную литературу, либо ты будешь лечить или учить людей, либо ты иным образом будешь отдавать себя до последней капли на служение Богу и ближнему. Но каждый из нас, во-первых, обязан быть святым, а во-вторых, может быть святым. И может, и обязан.

Поэтому напомним себе слова Священного Писания – Ветхого Завета, повторенные апостолом Петром: «Святы будьте, ибо я свят, Господь Бог ваш, говорит Господь». «Отступите от среды грешников, к нечистоте не прикасайтесь, и Я приму вас, и вы будете Мне сынами и дочерями, глаголет Господь Вседержитель».

Душеполезные поучения

«Видишь, ради чего мы должны презреть мир, то есть, чтобы Бога нашего почтить; мир не любить, чтобы Бога возлюбить, создание оставить, чтобы Бога обрести, от создания отвратиться, чтобы к Богу обратиться. Ибо как не можем и к востоку и к западу, и к небу и к земле одновременно смотреть, так и к миру и к Богу прилепляться сердцем. Когда очи наши обращаем к земле, то отвращаем от неба, и когда обращаемся к западу, отвращаемся от востока, – так точно отвращаемся от Бога сердцем, когда любим мир, и когда к Богу сердечно обращаемся, тогда от мира отвращаемся. Одно из двух надобно всякому избрать. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть (Мф. 6, 24)» ***(Свт. Тихон Задонский, 1724-1783).***

Вопросы священнику

Почему появляются психические болезни, какие духовные проблемы могут быть этому причиной? И по какой духовной причине возникает болезнь псориаз?

Наша душа тесно связано с телом, поэтому телесные болезни могут вызвать психические расстройства и обратно. Также причиной душевного заболевания могут стать генетические расстройства, передаваемые по наследству: в этом случае дети страдают за грехи отцов и предков.

Надо отличать психические заболевания, имеющие соматическую (телесную) причину, от одержимости – беснования, когда душа попадает под особую власть демона, который живет в человеке как в собственном доме и, образно говоря, становится его второй душой.

Надо помнить, что как в первом, так и во втором случае болезнь и одержимость не являются препятствием к спасению. Если человек будет терпеливо переносить свое мучительное состояние, то это зачтется ему как добродетель; а когда он находится в невменяемом состоянии и перестает понимать, что говорит и делает, то он не отвечает за совершенные поступки и слова, хотя бы это были брань и кощунства.

Что касается вашего вопроса о духовной причине псориаза, то не обязательно, чтобы каждая болезнь давалась бы за определенный грех – на земле болеют и грешники, и праведники.

Многие из святых всю жизнь страдали от телесных недугов, например Василий Великий, Игнатий Брянчанинов, Амвросий Оптинский и другие. Своей молитвой они исцеляли других, но Господь промыслительно оставлял их страдать от собственных недугов для еще большего очищения и одухотворения. Поэтому приписывать каждую болезнь к греху – это, по моему мнению, профанация и даже унижение промысла Божьего. Главное, не отчего заболел человек, а как он переносит болезнь.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости

01.06.2016. **Болгарская Православная Церковь потребовала отложить проведение Всеправославного Собора.** 1 июня 2016 г. в Софии состоялось заседание Священного Синода Болгарской Православной Церкви, сообщается на официальном сайте БПЦ. Болгарские иерархи сошлись во мнении, что Великий и Святой Собор Православной Церкви, запланированный на 16-26 июня 2016 г., должен был отложен, чтобы имелась возможность более тщательно его подготовить. В случае, если мнение Синода не будет учтено, делегация БПЦ не будет участвовать в работе Собора.

01.06.2016. **В Индии епископ Сиро-Малабарской католической церкви жертвует свою почку, чтобы спасти жизнь бедняка-индуиста.**

01.06.2016. **Украинские униаты основали свой первый приход на Кипре.** Кипр посетил глава Пастырско-миграционного отдела УГКЦ епископ Иосиф Милян.

01.06.2016. **Священник и путешественник Федор Конюхов совершит кругосветный полет на воздушном шаре с крестом-мощевиком.**

«Райские хутора»
и другие рассказы
священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Царственная

Елена Павловна принадлежала к увядшей ветви старинного дворянского рода. Была отменно красива, и, хотя облик ее с годами претерпевал естественные изменения, красота ни на мгновение не ускользала. Так что в детстве о ней говорили: «Сказочное дитя», в юности: «Очаровательная барышня», в зрелом возрасте называли потрясающей женщиной, а в старости – очень красивой старухой. Однако кроме красоты, которая, к счастью, в русских женщинах еще не перевелась и может радовать всякого человека, не до конца потерявшего зрение, Елена Павловна обладала качеством куда более редким – исключительным, можно сказать: она была царственной.

Что есть царственность, определить затруднительно. Одно точно: свойство это – сугубо женское. Мужчинам более подходит барственность – царственные мужчины неукоснительно напоминают индюков. Все отмечали ее осанку, поворот головы, а в особенности – способ передвижения: Елена Павловна ходила не так, как другие, – она будто несла себя, несла ровно, неспешно, непоколебимо. При этом была начисто лишена надменности или высокомерия, с людьми общалась на удивление просто и не стеснялась даже самой грязной работы.

Елены Павловны я не застал: мне рассказывали о ней ее внучки – дамы вполне сознательного возраста. Родилась их достославная бабушка в тысяча девятисотом году и успела получить гимназическое образование, которого хватило, чтобы ее до конца жизни принимали за филолога, историка или искусствоведа.

Почему она не уехала из России, никто не знает. Возможно, из-за любви, соединившей ее с молодым врачом: тайком обвенчавшись, они бежали из Москвы в провинциальные дебри. Там у них родились четыре дочери. Несмотря на сложности тогдашней эпохи, всех детей удалось окрестить. Когда началась война, муж был направлен на фронт. Два года оперировал в полевых госпиталях, затем его перевели в столицу. Так Елена Павловна вернулась на родину. Добавилась еще одна дочка – поскребышек. А потом дочери стали выходить замуж и рожать девочек, девочек, девочек и лишь одного мальчишку. Семьи поразъехались, но детишек то и дело привозили к старикам.

Младшая из внучек рассказывала, как, бывало, подберется к бабушке и с восхищением глядит на нее. А та либо пластинку с классической музыкой слушает, либо читает – русскую литературу очень любила. Наконец заметит, повернет голову – спина прямая, шея лебединая, подбородок высоко – и спрашивает:

– Ты кто есть?

– Я – Люся.

– Люся… – бабушка задумывается. – А ты чья?

– Мамина и папина.

– Ну, это понятно. А маму твою как зовут?

– Мама Наташа.

– Так ты, наверное, Натальина младшенькая… Ну ступай, ступай…

И дочери, и внучки жаловались, что с внуком Андрюшкой она общается охотнее, чем с ними.

– Неудивительно, – отвечала бабушка, – с мужчинами интереснее: я у них всю жизнь обучаюсь.

– Чему же ты у них обучаешься, если ты, можно сказать, идеал женственности?

– Идеал не идеал, но этой самой женственности и учусь: учиться – не обязательно копировать. Глядя на мужа, я собирала в себе качества, необходимые для того, чтобы вместе мы составили единое целое.

– А у Андрюшки ты чему учишься, ему же только пять лет?

– Вы, красавицы, в пять лет могли говорить лишь про бантики, а он спрашивает, почему его не назвали Георгием Константиновичем. Как Жукова. Я ему все объясняю про отчества, про то, что он может быть только Николаевичем, а он послушал-послушал да и говорит: «Ну, тогда Александром Васильевичем». Как Суворова…

– Подумаешь! У нас – бантики, у них – ружья.

– Так, конечно, да не совсем. Ваше внимание было обращено, как правило, на самих себя, и прежде всего на свою внешность. А он – только освоился печатные буквы складывать, сразу в храме записку подал: там и Александр, и Георгий, и еще два десятка имен. Спросила, кто это, он все объяснил: и Нахимов там есть, и атаман Платов – Матфеем зовут… Дело не в мальчишеском интересе к воинству, а в том, что интерес этот может проникнуть незнамо куда. Вот и подумайте, какие качества необходимы, чтобы рядом с таким существом целую жизнь прожить и ему не наскучить.

А когда ее спрашивали, что особо примечательного находила она в дедушке – рядовом хирурге, Елена Павловна отмечала два обстоятельства: во-первых, чрезвычайную ответственность супруга, а чувство ответственности она совершенно справедливо считала главным богатством мужчины, а во-вторых, полетность…

Значение этого слова внучки не понимали, а дочери толковали его как широкую увлеченность. Бабушка рассказывала, что дед изобретал хирургические инструменты, своими руками построил катер, на котором зятья до сих пор катались по Клязьминскому водохранилищу, а в рыбацких и охотничьих путешествиях обошел всю страну. «Вы теперь, кроме курятины, никакой «дичи» не знаете, – говорила Елена Павловна внучкам, – а меня и ваших матушек дед кормил куропатками, рябчиками, тетеревами. И все это он добывал сам».

А еще они каждую неделю ходили в консерваторию. Водили и дочерей, и даже обучали их игре на фортепиано – те с отличием оканчивали музыкальную школу, но, выходя замуж, про музыку забывали и через пять лет уже не могли подобрать одним пальцем простенькую мелодию. Впрочем, это обычная история.

После кончины супруга Елена Павловна нанялась в домработницы к оперному солисту Большого театра. Пенсии она не выслужила, а перекладывать трудности на плечи детей – навыка не имела. В доме певца часто бывали гости. Его супруга охотно помогала старушке и накрывала на стол. Иногда глава семьи проделывал шутку: просил, чтобы Елена Павловна принесла то или это. Облаченная в фартук, она появлялась в дверях, и гости вставали… «Царственная», – восхищался хозяин.

Когда Елена Павловна преставилась, он взял на себя все заботы. Прощаясь, сказал: «Не было в моей жизни другого такого человека и не будет». Дочери плакали, а внучка вспомнила: «Подойдешь, бывало, засмотришься на нее, а она повернет голову эдак и спрашивает: «Ты кто есть?»».

Новоселки

Добираться туда легко: в девять вечера садишься на поезд, в три часа ночи слезаешь. Полтора километра по шпалам, столько же через лес – вот и весь путь. Брошенное поле, брошенная деревенька, на краю которой некогда стоял жилой дом.

В пору молодости своей, когда я познакомился с дедом Сережей и его старухой, были они уже людьми опустившимися. Не то чтобы совсем потеряли интерес к жизни – нет: что-то ели, что-то пили, слушали радиоприемник, даже мылись, наверное, иногда; однако они позволили жизни своей сделаться безобразною.

Сережа уже почти не надевал протез – лежал целыми днями в грязной постели, курил, кашлял, плевался. Бабка хотя и совершала кое-что по хозяйству, но без усердия: посуду она не мыла – суп всякий раз варился в одном чугунке и разливался в одни и те же тарелки. Стирала ли она – не знаю.

Да и все в доме у них было опустившимся: кобель – матерый гончак, – если случалось ему оказаться в избе, мочился на пол; кошки бродили по столу, добирая объедки; тараканов расплодилось такое множество, что они шуршащей коростой покрывали стены и потолок, кишмя кишели в дедовой койке, и он их разве что с лица прогонял.

Электричества в доме не было – отрезала власть, керосина у стариков не водилось, так что жили они без света. Ни разу не слышал я, чтобы вели они между собой человеческие беседы – только ругались, грязно и равнодушно. Сережа – кашляя, бабка – тонким гнусавеньким голоском.

Останавливаться у них не было никакой возможности, предпочтительнее оказывалось ночевать в полуразвалившихся избах брошенной деревни по соседству, но, наведываясь в те края, я всегда заходил к Сереже – оставлял батарейки для приемника и фонаря, чай и, быть может, еще что-нибудь по мелочам.

Жизнь стариков делалась все более мерзостной. Наконец старуха не выдержала и ушла к сестре – в деревню километров за десять. Потом сгинул кобель: самостоятельно гоняя зайца в ночи, он вылетел к железнодорожному полотну и остановился, чтобы пропустить поезд, однако это был не обыкновенный поезд, а снегоочистительный, чего пес по азартности своей не заметил, – краем выдвижного бульдозерного ножа его и ударило.

Совершенно одичав от тоски, дед разыскал свою бабку и поджег избу – люди спаслись, но изба сгорела. Был суд: два года тюрьмы и тысячи рублей компенсации. Пустился дед Сережа отбывать срок, старуха же вернулась к кошкам и тараканам. Вскоре она сама выплатила сестре причитающуюся сумму: что-то продала, сколько-то заработала на бруснике, о чем-то она, вероятно, могла договориться и по-родственному. Через год Сережа вернулся – совсем блатной, с наколками, покрывавшими чуть ли не все его тело, за исключением, понятное дело, отсутствовавшей ноги.

А еще через какое-то время оба они убрались: дед преставился здесь, и последние его слова были матерными, старуха тихохонько отошла в новой избе сестры.

Печально, конечно, что жизнь этих людей так омрачилась к своему завершению; печально, что не осталось от них ничего – даже тараканов с кошками не осталось. Я был там недавно – на месте дома груда печных кирпичей да несколько поблескивающих хромированным металлом протезов, о которых дед Сережа, помнится, говорил, что они – один другого нескладнее. Всем им он предпочитал деревяшку… Кто и зачем спалил их дом – неизвестно, скорее всего, кто-нибудь из местных: обычно подобное занятие – утеха молодых подвыпивших трактористов. Может, человек и родом из этой деревни был – новоселковский, а вот чтобы уж никому не досталось ни обогреться, ни переночевать. Горазды мы, как известно, родную землю поганить.

Сидя на валуне, подпиравшем некогда угол избы, я не без растерянности взирал на уголья: как же так – что-то было, а теперь нет… Глупая, конечно, растерянность, да разве привыкнешь – тоскливо ведь. Тут, само собой, воспоминания кое-какие промелькнули, и вспоминалась все одна пакость. Как дед рассказывал про некогда соблазненную им девицу – учителку, присланную из города, – старуха слушала все это с очевиднейшим равнодушием, а потом, широко зевнув, добавила, что «у колхозной булгахтерши трое детей, а обличием все – в гада этого». Как коршун курицу прихватил, а я, увидев, бросился было из дома с ружьем, да старуха не выпустила: «Загубишь курицу!» В конце концов и курица сдохла, и коршун улетел, чтобы потом, в мое отсутствие, извести всех остальных кур. Вспоминал сонмище кошек: Сережа держал их вроде как для промысла – шапки шил.

– Хочу черную шапку сшить, – говорил он мне при каждой встрече. – Кра-асивая будет! Видал, какая у кота шерсть? Блескучая, густая, ворсистая… Надо, чтобы он котят чернявых добавил, тогда я и его в расход пущу – старый, зажился.

Свесив с печи лобастую голову, кот устало и снисходительно щурил глаз: за многие годы он выдал лишь одного отпрыска своей масти, остальные рождались пестрыми или рыжими – из них-то дед и шил шапки, воротники, рукавицы. Однако как только Сережа помер, косяком пошли беспросветно черные.

Вспоминались и тараканы: бывало, зимой, прежде чем обуться, валенки приходилось вытаскивать в морозные сени. Тараканы из валенок ползут и ползут: до верху доползают, тут в них что-то щелкает – жизнь выключается, и они летят на пол, кошки только успевают подбирать. И что интересно: живых тараканов кошки не трогали, зато мороженых – до драки доходило. Какая тут кулинария сокрыта?..

В общем, одна дрянь вспоминалась, хорошего – ничего. Но почему не покидало и не покидает меня теплое чувство к этим прозябавшим в мерзости старикам? Что-то к ним притягивало всегда, какой-то свет от них исходил… Неяркий, может быть, но все-таки…

Не знаю, что было его источником, не знаю… Но вот ведь держались они друг друга всю жизнь! И дома своего, и своей земли… Не стало их, и место это обезжизнело.

Продолжение следует

Отечник

Авву Макария спросили:
– Как молиться?
Старец ответил:

– Нет надобности впадать в многословие. Довольно воздеть руки и сказать: «Господи, как ты хочешь и знаешь, помилуй меня!», если чувствуешь стеснение в брани, воззови: «Помоги!». Бог знает, что хорошо для вас, и смилуется над вами.

* * *

Некий брат спросил старца:
– Отец, что мне делать? Я не могу преодолеть помышлений.
Старец ответил:
– Я никогда не подвергался нападению помышлений.
Смутился брат, пошел к другому старцу, говорит ему:
– Вот что сказал мне такой-то старец! Я был премного смущен, потому что сказанное им неестественно для человека.
Второй старец ответил:
– Не без причины сказал тебе это слово человек Божий. Поди и со смирением попроси его, чтобы он объяснил тебе сказанное им.
Брат возвратился к первому старцу и попросил:
– Авва, прости меня. Я поступил безрассудно, что ушел от тебя, не простившись с тобою. Но объясни мне, прошу тебя, каким образом ты пребываешь без борьбы с помыслами?
Старец ответил ему:
– С того времени, как я стал монахом, я не вкусил досыта ни хлеба, ни воды, ни сна. Все это не попустило меня до такой борьбы с помыслами, о которой ты спрашивал.
Брат молча вышел от старца, получив помощь от его слова.

* * *

Некий брат спросил авву Макария:
– Как мне спастись?
Сказал старец ему:
– Будь как труп и не считайся ни с презрением людей, ни с их уважением.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

5 июн., вс. – Неделя 6-я по Пасхе, о слепом. Прп. Михаи́ла исп., еп. Сина́дского. **Обре́тение мощей свт. Леóнтия, еп. Ростовского. Собор Ростово-Ярославских святых. Прп. Евфроси́нии, игумении По́лоцкой.** Прп. Паи́сия Га́личского.

6 июн., пн. – Прп. Симео́на сто́лпника на Дивной горе́. **Блж. Ксении Петербургской.** Прп. Ники́ты, сто́лпника Переясла́вского. Мчч. Мелетия Стратилата, Стефана, Иоанна, Серапиона египтянина, Каллиника волхва, Феодора и Фавста, и с ними 1218 воинов.

7 июн., вт. – Третье обре́тение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Сщмч. Ферапонта, еп. Кипрского. Свт. Иннокентия, архиеп. Херсонского. Прмч. Тавриона.

8 июн., ср. – Отдание праздника Пасхи. Предпразднство Вознесения Господня. Ап. от 70-ти Ка́рпа. Вмч. Геóргия Нового, Болгарского. Обре́тение мощей прп. Мака́рия Каля́зинского.

9 июн., чт. – ВОЗНЕСЕ́НИЕ ГОСПО́ДНЕ. Сщмч. Ферапо́нта, еп. Сарди́йского. **Прав. Иоанна Русского, исповедника.** Прп. Ферапо́нта Белоезе́рского, Можа́йского. Обре́тение мощей прп. Ни́ла Столобе́нского. Прп. Ферапо́нта Мо́нзенского. Свтт. Московских Киприа́на, Фо́тия, Ио́ны и Фили́ппа Первого. Мчч. Феодоры девы и Дидима воина.

10 июн., пт. – Попразднство Вознесения Господня. Прп. Ники́ты исп., еп. Халкидо́нского. Свт. Игна́тия, еп. Ростовского. Ники́йской иконы Божией Матери. Свт. Геро́нтия, митр. Московского. Прп. Елены Дивеевской. Сщмч. Евтихия, еп. Мелитинского. Мц. Еликониды.

11 июн., сб. – Попразднство Вознесения Господня. Прмц. Феодо́сии девы. **Свт. Луки́ исп., архиеп. Симферопольского.** Блж. Иоанна, Христа ради юродивого, У́стюжского. Мц. Феодосии девы, Тирской. Иконы Божией Матери, именуемой «Спору́чница грешных».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!